

ОБЫДЕННОЕ ПОЗНАНИЕ: ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Р. Н. ДОЖДИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь

Логика научного исследования обыденного познания требует анализа теоретико-философских предпосылок нынешнего понимания данного феномена. В процессе данного анализа были использованы исторический и логический методы научного познания. Предпринята попытка систематизации историко-философских подходов к пониманию обыденного познания. Сделан вывод о том, что исследование теоретических источников современного понимания обыденного познания позволяет выявить его специфические особенности и перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: обыденное познание; мнение; здравый смысл; жизненный мир; программы общения, поведения и деятельности; социализация.

EVERYDAY COGNITION: HISTORICAL AND METHODOLOGICAL APPROACH

R. N. DOZHDIKOVA^a

^aBelarusian National Technical University, 65 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220013, Belarus

The logic of scientific research of everyday cognition demands the analysis of the theoretical premises of modern understanding of this phenomenon. The historical and logical methods of scientific cognition were used in the process of this analysis. The author has attempted to systematise philosophical approaches to the understanding of everyday cognition. The author comes to the conclusion that the analysis of the theoretical sources of modern understanding of everyday cognition allows to identify its specific features and prospects for further research.

Keywords: everyday cognition; opinion; common sense; *Lebenswelt*; program of communication, behaviour and activity; socialisation.

Введение

В связи с активным вторжением в жизненный мир человека виртуальной и новой технической реальности проблема обыденного познания приобретает особую остроту, что приводит к качественным сдвигам в образе жизни, процессе взаимодей-

ствия между людьми, языке как средстве общения и иных структурах повседневности.

Изучение стремительно меняющегося, мобильно оснащенного обыденного познания позволит понять механизм формирования новых форм

Образец цитирования:

Дождикова РН. Обыденное познание: историко-методологический аспект. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021;2: 42–52.

For citation:

Dozhdikova RN. Everyday cognition: historical and methodological approach. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2021;2:42–52. Russian.

Автор:

Раиса Нуриевна Дождикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философских учений факультета технологий управления и гуманитаризации.

Author:

Raisa N. Dozhdikova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophical studies, faculty of management technologies and humanisation. dozhdikova@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6389-7220>

коммуникации и деятельности, предвидеть социокультурные последствия происходящих трансформаций техногенной цивилизации.

В настоящей работе проведен аналитический обзор историко-теоретических источников названных проблем.

Методологические предпосылки исследования

Важность анализа повседневного мышления и познания, учета реальных жизненных факторов, установок, мотивов и предпосылок научного исследования подчеркивал А. Эйнштейн. Он утверждал, что «вся наука является не чем иным, как усовершенствованием повседневного мышления. Поэтому критический ум физика не может ограничиться рассмотрением только своей собственной области. Он не может двигаться вперед без критического рассмотрения более сложной проблемы: анализа повседневного мышления» [1, с. 200]. Исследование обыденного познания позволяет эксплицировать скрытые «пружины» научного исследования.

Говоря о методологических подходах к анализу социального познания, В. С. Степин указывал на значение обыденного познания, которое «программирует поведение людей даже намного больше, чем наука» [2, с. 3]. В этом смысле исследование обыденного познания помогает понять чрезвычайно важный для социума механизм формирования девиантных моделей поведения, которые развиваются у субъекта обыденного познания под влиянием виртуальной реальности, компьютерных игр и интернета (электронной коммуникации) иногда даже на подсознательном уровне.

Современная ситуация в мире и культуре характеризуется глобализацией, нестабильностью и обострением проблем, связанных с состоянием духовности, кризисом морали, инфантильностью сознания

и усилением потребительских тенденций, общим снижением грамотности, растущей инвазией псевдонауки, иррациональных языческих мотивов. В итоге сегодня даже реклама и мода могут программировать поведение человека через механизм обыденного познания.

В то же время на современном этапе развития техногенной цивилизации обыденное познание играет существенную роль в социализации личности, формировании ее ценностных ориентаций и приоритетов, в том числе и отношения к науке, образованию и технологиям. Поэтому встает проблема коррекции процесса обыденного познания через систему домашнего воспитания, школьного образования и СМИ, роль и значение которых постоянно возрастает.

Проблема обыденного (массового) познания актуализируется на современном этапе развития постиндустриального общества в связи с возрастанием активности масс в социокультурной и политической сферах (об этом писал Х. Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс»), а также с появлением возможности манипулировать поведением этих масс в политической борьбе (цветные революции) через интернет и мобильную связь.

Логика научного исследования феномена обыденного познания требует анализа теоретико-философских предпосылок нынешнего понимания данного феномена с использованием исторического и логического методов научного познания.

Теоретические предпосылки проблемы – от Античности до Нового времени

Когнитивная проблема взаимодействия чувственного и рационального, эмпирического и теоретического, обыденного и научного познания волновала философов с древних времен. Так, Парменид (VI в. до н. э.), разделив философию на философию истины и философию мнения, различал два вида знания: знание как мнение (*doxa*), основанное на чувственном познании, и знание как истина (*episteme*), базирующееся на рациональном познании.

В поэме «О природе» Парменид указывал на превосходство рационального познания над чувственным: «Будь лишь разум судьей многоспорному слову» [3, с. 179], а также на то, что мнениям «смертного люда... нет истинной веры», ибо мнение «каждое каждому рознь» [3, с. 178–181], в то время как спутником истины является убеждение.

Аристотель отличал научное познание и от искусства (*techne*), и от опыта, и от мнения. Сфера искусства – практика и производство, опыт же – исходная точка и начало искусства и научного познания

[4, с. 65–66]. Основания опыта заключаются в ощущении, памяти и привычке. Опыт дает знание единичных фактов, которые наука порой не учитывает.

Кроме того, Аристотель говорил о роли рассудительности (*phronesis*), которая не является ни наукой, ни искусством, а представляется «истинным причастным суждению складом [души], предполагающим поступки, касающиеся блага и зла для человека» [5, с. 177]. По мнению мыслителя, «назначение [человека] выполняется благодаря рассудительности и нравственной добродетели; ведь добродетель делает правильной цель, а рассудительность [делает правильными] средства для ее достижения» [5, с. 187]. Рассудительность выступает как здравый смысл, без которого невозможна не только хозяйственная и государственная деятельность, но и исполнение назначения человека, его правильная жизнь.

В трактате «Поэтика» Аристотель писал о том, что сочинения эпоса и трагедии «различаются... между собой тройко: или разными средствами подражания,

или разными его предметами, или разными, нетождественными способами» [6, с. 646]. «Таковы-то эти три различия в способе подражания, как было сказано вначале: чем (подражать), чему и как» [6, с. 648], – уточнял он. Данные критерии деления (по предмету, средствам и способам) можно применить и к классификации видов познания (научного и обыденного).

Развивая идеи Аристотеля об удивлении и понимании, Н. Кузанский подчеркивал, что жажде познания предшествует удивление, т. е. форма обыденного познания, в то время как бытие интеллекта (и науки) есть понимание. В «Книгах простотца» он указывал на преимущество естественной житейской мудрости, ведущей к смирению и любви, над книжной ученостью и верой в авторитеты, ибо «...истинное знание делает смиренным. <...> ...Разум, связанный авторитетом пишущих, питается пищей других, но не естественной пищей» [7, с. 361]. Также он считал, что «в божественной простоте сосредоточены все вещи» [7, с. 396], а, следовательно, эта простота характеризует и обыденное познание.

Задолго до Д. Локка и Г. Лейбница Н. Кузанский сформулировал тезис о связи разума и ощущений:

«И кто считает, что разуму (intellectum) не может быть присуще ничего, чего нет в рассудке, тот тем самым считает, что в разуме не может быть ничего, чего раньше не было в ощущении» [7, с. 392–393]. В то время как наука основана на разуме, обыденное знание – на рассудке и носит ярко выраженный прагматический характер.

Ф. Бэкон различал два вида познания: познание как предвосхищение природы и познание как истолкование природы. Согласно Ф. Бэкону «познание, которое мы обычно применяем в изучении природы, мы будем для целей обучения называть *предвосхищением природы*, потому что оно поспешно и незрело. Познание же, которое должным образом извлекаем из вещей, мы будем называть *истолкованием природы*» [8, с. 16]. Таким образом, Ф. Бэкон подчеркивал активный деятельностный характер познания как «извлечения из вещей» их сущности.

Поспешность и незрелость характеризуют в первую очередь обыденное познание, особенно если оно не опирается на жизненный опыт и здравый смысл.

Особенности обыденного познания – от Т. Рида до Л. Фейербаха

Философия здравого смысла Т. Рида рассматривала здравый смысл, присущий обыденному познанию, как интуитивную способность ума и совокупность первоначальных врожденных принципов и суждений, близких врожденным идеям Р. Декарта. В сочинении «Опыты об интеллектуальных способностях человека» Т. Рид назвал 12 главных суждений здравого смысла, служащих основой познания и поведения человека (вера в Бога и существование внешнего мира, суждения о естественной способности отличать истину от лжи, принцип причинности и др.).

Т. Рид утверждал, что здравый смысл обеспечивает доступ к непосредственным, очевидным и всеобщим принципам, говорил о значении инстинктов, привычек, аналогий, ассоциаций, веры, а также принципов воспитания, «которые действуют, прежде чем мы приходим к использованию рассудка» [9, с. 96]. Эти простые очевидности «служат тому, чтобы направлять нас в обычных житейских делах, в которых наша способность к рассуждению оставила бы нас в потемках. Они – часть нашей конституции; и все открытия нашего рассудка основаны на них. Они составляют то, что называют здравым смыслом человечества, а то, что, очевидно, противоречит любому из этих принципов, есть то, что мы называем абсурдным» [9, с. 344–345]. Подобные принципы позволяют нам сохранять здравомыслие и избегать абсурда. Здравый смысл есть «другое имя для рассудка (reason) в его интуитивной функции» [9, с. 60]. Тем самым Т. Рид подчеркнул дорефлексивный, интуитивный характер обыденного познания, сопровож-

дающего наши обычные житейские дела, а также бессознательный механизм его действия.

И. Кант рассматривал познание, в том числе обыденное, как вид конструирования. По его мнению, здравый смысл – это «*обыденный рассудок*, поскольку он судит правильно. А что такое обыденный рассудок? Это способность познания и применения правил in concreto в отличие от *спекулятивного рассудка*, который есть способность познания правил in abstracto» [10, с. 194–195]. Таким образом, И. Кант говорит о конкретности обыденного познания и его непосредственной индуктивной связи с опытом.

Г. Гегель подчеркивал непосредственную, чувственную достоверность обыденного познания, его простоту [11, с. 51–61], простоту чувственного восприятия вещи. В книге «Введение в философию. Философская пропедевтика» Г. Гегель пишет: «Наше обычное знание представляет себе лишь тот предмет, который оно знает, но не представляет одновременно самого себя, то есть само знание» [12, с. 85]. Фактически Г. Гегель говорил о неосознанности, дорефлексивном характере обыденного знания, ибо очень часто обычный человек знает, но не осознает, что он знает. Субъект обыденного познания не осознает способы и приемы своего познания, его контекст. Такого рода знание (и познание) носит имплицитный характер.

Обыденное знание связано с простым чувственным сознанием, которое есть «непосредственная достоверность» существования некоторого внешнего предмета. «Выражением непосредственности этого предмета является то, что он есть, и именно

этот, теперь во времени и здесь в пространстве, совершенно отличный от всех остальных предметов и целиком определенный в самом себе» [12, с. 85]. Обыденное познание отражает как наличие определенных (этих) предметов, их пространственно-временные координаты (здесь и теперь), так и их индивидуальность и неповторимость.

Особенностью повседневного бытия и обыденного знания является то, что внешне знакомый предмет кажется простым и легко понимаемым. Однако известно от того, что оно известно, еще не становится познанным автоматически. Как раз об этом писал Г. Гегель: «Известное вообще – от того, что оно известно, еще не познано» [11, с. 16]. Итак, внешняя простота и кажущаяся известность повседневности не означает того, что она уже познана и не требует дополнительного изучения.

Развивая мысли Г. Гегеля о повседневности, Л. Фейербах в работе «Основные положения философии будущего» писал: «Все, что существует, – и чувственная, и самая обычная будничная вещь, пока она является объектом жизненных интересов или общераспространенных точек зрения, не есть предмет науки» [13, с. 97]. В этом смысле повседневный опыт для человека подобен воздуху: «Воздух для нас – наиболее существенная внешняя среда, весьма нам близкая, неизбежная, убедительная

и навязчивая... <...> Как раз ближайшее для человека оказывается для него наиболее отдаленным. Именно потому, что ближайшее ему не кажется таинственным, оно для него остается загадкой; именно потому, что он *всегда* составляет некий предмет, оно для него никогда предметом не оказывается» [13, с. 98]. Фактически Л. Фейербах говорит о необходимости сделать беспредметное для субъекта обыденного познания предметным для науки. Загадка обыденного познания должна быть решена, ведь в самых обычных будничных вещах и ситуациях (например, в падении яблока с дерева) сокрыто некое предпосылочное знание, подсказка, скрыт шанс что-то понять и открыть (например, закон).

Можно сказать, что движущей силой обыденного познания являются жизненные интересы, а также то, что оно основано на чувствах. В процессе обыденного познания формируются общераспространенные точки зрения – то, что мы в конечном итоге называем общественным мнением. Само обыденное познание носит общераспространенный характер. В этом смысле ему присуще свойство всеобщности.

С учения Г. Гегеля начинает формироваться онтолого-феноменологическое понимание обыденного познания, которое в дальнейшем развивали Э. Гуссерль, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, А. Шюц, А. Бергсон, Б. Рассел, М. Мерло-Понти и др.

Феноменологические аспекты обыденного познания

Согласно Э. Гуссерлю научное познание недооценивает жизненный мир человека, наука «ничего не может сказать нам о наших жизненных нуждах. Она в принципе исключает вопросы, наиболее животрепещущие для человека, брошенного на произвол судьбы в наше злосчастное время судьбоносных преобразований, а именно вопросы о смысле или бессмысленности всего человеческого существования» [14, с. 138]. По этой причине человек, смысл его жизни, человеческий и окружающий его внечеловеческий мир не были тематизированы наукой, но «жить в неосмысленном мире человек просто не может» [15, с. 125]. Без соотнесения смысла научного открытия со смыслом жизни человека и будущим человечества мир обречен на хаос.

Обыденное познание отражает не только реальный процесс человеческой жизнедеятельности в сфере труда, быта, досуга, но и жизненные нужды человека, потребности его существования и развития. Повседневная человеческая жизнь – это процесс развертывания смысла его жизни, включающий в себя формирование ближайших и далеких целей, программ поведения, общения и деятельности.

Жизненный мир (*Lebenswelt*) – это мир, «в котором практически разыгрывается наша жизнь» [16, с. 77]; «это пространственно-временной мир вещей, как мы его познаем в опыте нашей до- и вненаучной жизни и поверх познанных вещей знаем как

доступный опытному познанию. У нас есть горизонт как горизонт возможного опытного познания вещей. Вещи – это камни, животные, растения, а также люди...» [16, с. 188]. Обыденное познание – это опыт нашей до- и вненаучной жизни, оно включает в себя освоение и своеобразное познание жизненного мира человека. В связи с этим одной из задач научного познания становится не только исследование жизненного мира человека, но и связанного с его освоением обыденного познания.

Обыденное познание как освоение жизненного мира предполагает не только адаптацию человека к существующим условиям жизни и деятельности (механизм традиции), но и преобразование своего жизненного мира и самого себя (механизм инновации).

Говоря о жизненном мире как всеобщей почве человеческой жизни и забытом смысловом фундаменте естествознания, Э. Гуссерль подчеркивал, что последняя цель научного осмысления, вырастающего из донаучной жизни и окружающего его мира, «должна лежать в самой этой жизни и соотноситься с ее жизненным миром» [16, с. 76]. Наука должна учитывать жизненные нужды и интересы конкретных людей, потребности их существования и развития, а также способствовать коэволюции человеческого жизненного мира и внечеловеческого мира природы.

Именно в донучном культурном мире находятся «первопредпосылки» наук и «перво-материалы первого смыслообразования» [17, с. 232], поэтому обыденное познание представляет собой первоначало (архэ), фундамент всякого познания, в том числе познания смысла жизни.

Итак, продолжает Гуссерль, «мы находимся в некоем подобии круга. Понимание начал достигается лишь исходя из современного состояния данной науки при ретроспективном взгляде на ее развитие. Но без понимания начал нельзя понять это развитие как развитие смысла. Нам не остается ничего иного, как двигаться вперед и возвращаться назад, двигаться “зигзагом”, одно должно помогать другому и сменять друг друга» [14, с. 170]. Такая взаимосвязь характерна и для взаимодействия научного и обыденного познания.

В своей книге «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Э. Гуссерль говорит о значении повседневной индукции, бытийной достоверности, устойчивости обыденного знания, о том, что оно «само собой разумеется», что «докса... начинает претендовать на роль фундамента для науки, для эпистеме» [16, с. 210], а также о проблеме самоотчета познающего субъекта: «Итак, отсутствовал и до сих пор отсутствует подлинно очевидный самоотчет активного познающего субъекта не только о том, что он сделал нового, о том, чем он занимается, но и всех импликациях смысла, скрытых процессами окаменения прежних традиций и возникновения новых традиций» [14, с. 167]. С нашей точки зрения, в процессе когнитивной социализации повседневная индукция дополняется социокультурной дедукцией [18, с. 33]. Таким образом, социокультурную дедукцию наряду с повседневной индукцией можно считать основными методами обыденного познания, а бытийную достоверность – особым качеством истины в обыденном познании.

Именно в силу того, что обыденное знание рассматривается как нечто само собой разумеющееся (*taken for granted*), оно оказывается неисследованным наукой. Однако «то, что здравому смыслу эпохи представляется само собой разумеющимся, философия проблематизирует и анализирует» [19, с. 6]. Поэтому исследование обыденного знания (познания) становится задачей философского анализа. По нашему мнению, изучение обыденного познания предполагает исследование механизма традиций и раскрытие заключенных в них импликаций смысла.

Рассматривая язык как форму жизни, Л. Витгенштейн отмечал его значение не только для обыденного познания, но и познания вообще, ибо язык переплетен с действием. Поэтому Л. Витгенштейн называет «языковой игрой» единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен [20, с. 83]. В этом смысле обыденное познание и обыденный язык отражают «грамматику бытия», а также «самые

важные для нас проблемы жизни, долга, мужества, счастья, судьбы» [20, с. XV]. Для Л. Витгенштейна истинность – это подлинность, которую «нельзя доказать, ее можно только чувствовать» [20, с. 316]. В этом смысле истина есть то, что очевидно через жест, тон, взгляд: «к едва уловимой очевидности принадлежит утонченность взгляда, жеста, тона» [20, с. 317]. Данное понимание истинности как подлинности, которую можно только чувствовать, и «едва уловимой очевидности» соответствует в первую очередь истине обыденного познания.

М. Хайдеггер утверждал, что мы живем в стихии языка, ибо «язык – это дом бытия» [21, с. 272], а также различал такие экзистенциальные характеристики повседневного опыта, как «наличное» и «подручное» [22, с. 117–119], что позволяет говорить об инструментальном характере обыденного познания, отражающем наличный опыт деятельности и общения, а также подручные средства и способы обыденного познания. Изучая изменение повседневного языка, а также языка современной коммуникации, можно понять «грамматику современного бытия», трансформации различных структур повседневности и самого субъекта обыденного познания.

В книге А. Бергсона «Творческая эволюция» продемонстрирована динамическая связь между цивилизационными изменениями и познанием, программами деятельности, поведения и общения: «Прошло столетие со времени изобретения паровой машины, а мы только теперь начинаем чувствовать то глубокое потрясение, которое оно вызвало в нас. Революция, осуществленная им в промышленности, ничуть не менее всколыхнула и взаимные отношения людей. Возникают новые идеи. Расцветают новые чувства» [23, с. 154]. Мысль Л. Бергсона помогает понять и современные трансформации в образе жизни и обыденном познании под влиянием цифровых технологий и электронных коммуникаций.

Назначение здравого смысла как особой формы повседневного знания – *предчувствовать* последствия наших действий, *отличать* в области поведения существенное от случайного или неважного; *выбирать* из возможных то решение, которое принесет наибольшую пользу, не только воображаемую, но реальную» [24, с. 246]. Здравым смыслом мы руководствуемся в отношениях с другими людьми, он требует «постоянной готовности действовать, быть начеку, вновь и вновь применяться к новым ситуациям» [24, с. 247]. В современном обществе риска возрастает значение данных механизмов здравого смысла, прежде всего как готовности действовать, «быть начеку» в чрезвычайных, экстраординарных ситуациях техногенного и экологического характера.

В статье «Здравый смысл и научная интерпретация человеческой деятельности» А. Шюц говорит о типичности и intersubjectивности, а также наличном знании, характеризующих повседневное

мышление и познание, ибо intersubъективный мир повседневной жизни предстает в нашем собственном переживании и интерпретации [25, р. 7–26]. Однако «любая интерпретация основана на предыдущем знакомстве с ним – нашем лично или передаваемом нам родителями и учителями. Этот опыт в форме “наличного знания” (knowledge at hand) выступает как схема, с которой мы соотносим все наши восприятия и переживания» [26, с. 129]. Для нас особенно важно понимание А. Шюцера повседневного знания как наличного (подручного) знания, выступающего в качестве шаблона, схемы и фрейма. В этом смысле обыденное познание – это отражение типичных форм жизнедеятельности человека в сфере труда, быта и досуга, т. е. отражение и одновременно освоение его образа жизни. Результатом обыденного познания являются типизированные формы знания, которые рассматриваются субъектом обыденного познания как нечто само собой разумеющееся.

Б. Рассел в книге «Человеческое познание, его сфера и границы» рассматривает отношение между индивидуальным (повседневным) опытом каждого человека, общественным познанием и «общим составом научного знания» [27, с. 14], а также отношение между дословесным и вербальным опытом. Коллектив знает и больше, и меньше, чем индивидум, «но он не знает тех лежащих близко к сердцу и интимных вещей, которые составляют колорит и самую ткань индивидуальной жизни» [27, с. 14], а также индивидуального каждодневного познания.

Пространство и время человека имеют свои здесь и теперь. «То, что находится здесь и теперь, – живо» [27, с. 17]. Обыденное познание является «живым», оно отражает «здесь» и «теперь» конкретного человека, его пространственно-временные и ценностные координаты. А «наука претендует на устранение «здесь» и «теперь» [27, с. 17], и тем самым она утрачивает свое человеческое измерение.

Социально-историческими аспектами проблем обыденного познания с позиций структурно-

го анализа конкретных сфер повседневности занимались французские историки школы «Анналов» М. Блок, Ф. Бродель, Л. Февр и другие исследователи «структур повседневности» (П. Бурдьё с идеями габитуса, «практического смысла» и «следов жизни» [28, с. 106–107], «социального пространства» и «социального агента» [29, с. 35], Ж. Бодрийяр с анализом потребительского общества, его типичных представителей, которые живут «в ритме вещей» и испытывают «феерическое слюноотделение» при виде множества товаров [30, с. 5–6], У. Эко с идеей «суицида массмедиа» [31], М. Фуко с идеей «письменности вещей» [32, с. 71] и др.).

Говоря о базовых физиологических потребностях современного человека, А. Маслоу подчеркивал, что «саму жизнь он мыслит в терминах еды» [33, с. 80]. Поскольку для современного потребительского общества характерен культ еды, то субъект обыденного познания не только мыслит, но и говорит в терминах еды.

Анализ повседневного языка как средства обыденного познания позволит понять характер социокультурных трансформаций современного техногенного общества, а также трансформаций самого субъекта обыденного познания и его сознания. Так, Ф. Бродель в книге «Структуры повседневности: возможное и невозможное» говорит о важности изучения каждодневной жизни людей, так как история обретает свой смысл только в том случае, когда она рассматривается «в вертикальном срезе: от повседневной жизни на уровне земли и до успехов, до достижений (и несправедливостей) общественной надстройки» [34, с. 41]. Индикаторами культурного своеобразия могут быть и особенности кухни, привычки есть, одеваться, т. е. все то, что составляет предмет обыденного познания.

Экзистенциально-социальные проблемы и границы повседневности представлены в работах С. Кьеркегора, Н. Бердяева, Л. Шестова, К. Ясперса, Х. Ортега-и-Гассета и др.

Прагматические и intersubъективные аспекты обыденного познания

Психолого-прагматический аспект обыденного познания и здравого смысла представлен в трудах У. Джеймса, Х. Патнэма и др. Так, например, У. Джеймс в пятой лекции книги «Прагматизм. Новое название для некоторых старых способов мышления. Значение истины» говорит о текучести повседневного познания, диалектике старого и нового в нем, о том, что вообще «наше знание растет по капле. Капля может быть большой или маленькой, но знание никогда не изменяется полностью: некоторые старые знания остаются такими, какие они есть.

Наиболее примитивные способы мышления не могут до сих пор полностью быть вычеркнуты, как

наши пять пальцев, как рудиментарный аппендикс или другие исчезающие особенности. Они должны оставаться как неизгладимые знаки событий нашей быстро текущей истории. <...> Говоря практически, то, что дословно переводится как присущий человеку “обычный (обыкновенный, простой) смысл” (common sense), на деле означает его здравый смысл (здравое суждение – good judgment), другими словами, то, что позволяет нам держать себя в руках в чрезвычайных (нетипичных) ситуациях и в то же время проявлять известную смекалку»¹ [35, р. 82–84]. Таким образом, У. Джеймс позитивно трактует *common sense* не как заурядный смысл, а как привычный

¹Здесь и далее перевод наш. – Р. Д.

(*habit*), здоровый, нормальный смысл, позволяющий нам держать себя в руках и проявлять смекалку в чрезвычайных ситуациях.

С точки зрения У. Джеймса, люди, мыслям и поступкам которых присущ здравый смысл, обладают ценными в коммуникации (*in one-to-one relations*) качествами: стабильностью, надежностью, сдержанностью, уравновешенностью и в то же время известной находчивостью и сообразительностью. Здравый смысл появился как определенная стадия понимания вещей, которая содействовала необычайно успешному способу достижения целей. Вот почему люди думают о том, что вещи существуют, даже когда они не видят их [35, р. 85–87]. Это понимание мира распространилось от факта к факту (*from fact to fact*) и от человека к человеку (*from man to man*) таким образом, что в настоящее время все следуют данному стереотипу понимания как определенному правилу.

Создатель концепции коммуникативного действия профессор Франкфуртского университета Ю. Хабермас, читая лекцию в Московском государ-

ственном университете имени М. В. Ломоносова, подчеркнул, что жизненный мир проявляется многообразно. Он включает в себя непреходимый, интуитивно сопровождающий нас горизонт социально-культурного опыта, границу и фон наших переживаний, нашего персонального, вытекающего из исторической ситуации, телесно воплощенного и коммуникативно-обобщественного повседневного существования².

Ю. Хабермас говорил о таких свойствах обыденного знания, как имплицитность, интерсубъективность, неявный, интуитивный характер, а также о наличии в обыденном знании некоторого хабитуализированного (*habituallisiertes*) умения, некоторого привычного социального отношения или жесткого убеждения. Ю. Хабермас удивлялся, что только в самое последнее время жизненный мир и связанные с ним исторические, социальные и культурные факты становятся предметом систематического научного интереса, подчеркивал актуальность этой проблемы.

Современное состояние проблемы обыденного познания

Немецкие философы П. Бергер и Т. Лукман в трактате «Социальное конструирование реальности» утверждают, что человеческое знание зависит от социального контекста, в котором оно возникает, ибо мышление и знание экзистенциально детерминированы [36, с. 14]. П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают необходимость теоретического анализа реальности повседневной жизни, точнее, повседневного знания, «определяющего поведение в повседневной жизни» [36, с. 37]. Это нужно не только для того, чтобы прояснить основания знания обыденной жизни, но и сделать ясными мотивы поведения простого человека.

Именно повседневная жизнь вызывает наиболее высокую напряженность сознания, оказывающую глубокое воздействие на состояние, самочувствие, здоровье и поведение человека. Детальный феноменологический анализ повседневности поможет «вскрыть различные пласты жизненного опыта и различные смысловые структуры» [36, с. 40], т. е. ту систему релевантностей, ценностей, жизненных позиций и программ, которые определяют поведение человека в его обыденной жизни.

Согласно П. Бергеру и Т. Лукману «среди множества реальностей существует одна, представляющая собой реальность *par excellence*. Это – реальность повседневной жизни» [36, с. 40]. Именно повседневная жизнь вызывает наиболее высокую напряженность сознания, оказывающую глубокое воздействие на состояние, самочувствие, здоровье и поведение субъекта обыденного познания.

С точки зрения П. Бергера и Т. Лукмана, «здесь-и-сейчас» – фокус моего внимания к реальности повседневной жизни. <...> Это означает, что я воспринимаю повседневную жизнь в зависимости от степени пространственной и временной приближенности или удаленности», составляющих зону повседневной жизни [36, с. 42], в которой можно выделить и зону манипуляции, которая определяется прагматическим жизненным интересом. В этом смысле обыденное познание позволяет обозначить как границы освоенной зоны повседневной жизни, так и социально детерминированные границы прагматического интереса субъекта обыденного познания, допустимые зоны манипуляции в его интерсубъективном мире.

Повседневное познание имеет темпоральное измерение, которое связано со стандартным временем нашей жизни. Обыденное познание, отражающее бытие человека в мире, границы реализации его жизненных проектов и планов, обладает ситуативностью и проективным характером самой жизни. Подобное знание влияет на восприятие человеком данных проектов, порождает не только тревожное ожидание, но и ответственное отношение к ним, их незамедлительную реализацию, ведь завтра может быть поздно.

Обыденное познание сопровождает каждое наше действие, жизненный ритуал, дружескую или иную церемонию общения. Наше повседневное познание не только отражает повестку любого дня, знаковые события биографии, но и формирует проекты и пла-

²Хабермас Ю. Лекция о жизненном мире [Электронный ресурс]. URL: <http://jarki.ru/wpress/2010/09/15/1259/> (дата обращения: 11.10.2019).

ны на ближайшее и далекое будущее. Обыденное познание оказывает формообразующее, программирующее воздействие на всю последующую жизнь. Отражая схемы типизации, обыденное познание делает возможным понимание и общение с другими людьми, партнерами не только в семейной жизни, но и в бизнесе, политике, различных видах творчества.

Согласно тонкому замечанию П. Бергера и Т. Лукмана, все «мое знание повседневной жизни организовано в понятиях релевантностей. Некоторые из них определяются моими непосредственными практическими интересами, другие – всей моей ситуацией в обществе. Важный элемент моего знания повседневной жизни – знание релевантных структур других людей» [36, с. 77]. В обыденном языке фиксируются подобные релевантные структуры в понятиях «хорошо – плохо», «красиво – безобразно», «приятно – неприятно». Эти оппозиции, «модусы значимости» [16, с. 145] повседневности постоянно сопровождают субъект обыденного познания в его интересубъективной жизни, фиксируются и транслируются через механизм познания, общения и деятельности.

П. Бергер и Т. Лукман подчеркивали прагматический мотив, преобладающий в повседневной жизни, ибо «важное место в социальном запасе знания занимает знание рецептов, то есть знание, сводящееся к практической компетентности в обыденных делах» [36, с. 72]. Таким образом, обыденное познание носит рецептурный, прагматический характер, ведет к практической компетенции в обыденных делах, способствует интеграции разрозненных элементов собственного опыта субъекта обыденного познания.

Польский социолог П. Штомпка в книге «Доверие – основа общества» говорит о повороте в социологии, свершившемся на рубеже XX–XXI вв. в связи с тем, что «социология повседневной жизни», которая никогда ранее не имела такого большого значения, теперь становится основным теоретическим течением. В этой «третьей социологии» – социологии повседневной жизни – происходит поворот к тому, что на самом деле происходит в обществе, к реальной жизни реальных людей [37, с. 39]. Повседневная жизнь – это зеркало всего того, что существует в обществе, а также его первоисточник. Именно в повседневной жизни протекает производство, воспроизводство и взаимодействие общественных структур.

П. Штомпка выделяет семь особенностей повседневной жизни, отличающих ее от других уровней общественного существования:

- 1) жизнь с другими людьми, коллективная, общинная, проявляющаяся в межперсональных связях;
- 2) цикличность, определенная повторяемость, ритмичность, рутинность – в масштабе дня, недели, месяца, года и одновременно направленность – в масштабе карьеры или биографии;
- 3) ритуальность, действия по определенному установленному и выполняемому без размышлений сценарию;
- 4) погружение в конкретные, уникальные и неповторимые контексты;
- 5) презентизм, сосредоточенность на текущем моменте;
- 6) чувственность, участие телесности, эмоциональности, биологических параметров человечества;
- 7) точная локализация в пространстве, зависимость от типа места – дом или улица, церковь или больница, бар или автобус [37, с. 40–41]. Данные особенности повседневной жизни характерны и для обыденного познания, сопровождающего нашу повседневную жизнедеятельность.

Современные исследователи понимают обыденное знание как вне- и донаучное, профанное, самоочевидное (Н. Н. Козлова), жизненно-практическое (Е. И. Кукушкина), стихийно-эмпирическое (В. С. Стёпин), неспециализированное (В. П. Филатов), предпосылочное, неявное (Б. Я. Пукшанский, Л. А. Микешина, А. И. Зеленков), неявное, имплицитное, периферийное (М. Полани).

Фундаментально исследовали проблемы повседневности И. Т. Касавин и С. П. Щавелев в своей книге «Анализ повседневности». Так, с точки зрения И. Т. Касавина, «повседневность как познание выражается в процессе когнитивной социализации, адаптации к условиям и вживания в архетипы» [38, с. 414]. Для настоящего исследования методологически важным является рассмотрение обыденного познания как процесса когнитивной социализации, имеющего глубинные архетипические корни и основания, а также как «способа усвоения и фиксации творческих достижений» [38, с. 44]. С нашей точки зрения, особенно значимым является анализ обыденного познания как способа усвоения и потребления научных достижений, ассимиляции научных открытий.

Заключение

Анализ теоретических источников современного понимания обыденного познания позволяет выявить его специфические особенности и перспективы дальнейшего исследования. Во-первых, обыденное познание отражает не только реальный процесс человеческой жизнедеятельности в сфере труда, быта, досуга, но и жизненные нужды человека, потребно-

сти его существования, коммуникации и развития. Результатом интересубъективного обыденного познания являются типизированные формы знания, шаблоны, стереотипы понимания мира, модели и схемы поведения и общения. Отражая схемы типизации, обыденное познание делает возможным понимание и общение с другими людьми, партнерами не только

в семейной жизни, но и в бизнесе, политике, различных видах творчества. Во-вторых, обыденное познание как освоение жизненного мира предполагает не только адаптацию человека к существующим условиям жизни и деятельности (механизм традиции), но и преобразование своего жизненного мира и самого себя (механизм инновации). Изучение обыденного познания намечает исследование механизма традиций и раскрытие заключенных в них импликаций

смысла. Детальный анализ повседневности поможет вскрыть ту систему релевантностей, ценностей, жизненных позиций и программ, которые определяют поведение человека в его повседневной жизни. В-третьих, обыденное познание носит рецептурный, прагматический характер, ведет к практической компетенции в обыденных делах, способствует интеграции разрозненных элементов собственного опыта субъекта обыденного познания.

Библиографические ссылки

1. Эйнштейн А. *Собрание научных трудов. Том 4.* Тамм ИЕ, Смородинский ЯА, Кузнецов БГ, редакторы. Москва: Наука; 1967. 600 с. (Классики науки).
2. Стёпин ВС. О методологических подходах к анализу социального познания. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия.* 2014;3:3–10.
3. Гаспаров МЛ, редактор. *Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика.* Москва: Ладомир; 1999. 515 с. (Античная классика).
4. Аристотель. *Метафизика. В: Сочинения в четырех томах. Том 1.* Асмус ВФ, редактор. Москва: Мысль; 1976. 550 с. (Философское наследие).
5. Аристотель. *Никомахова этика. В: Сочинения в четырех томах. Том 4.* Доватур АИ, редактор. Москва: Мысль; 1983. 830 с. (Философское наследие; том 90).
6. Аристотель. *Поэтика. В: Сочинения в четырех томах. Том 4.* Доватур АИ, редактор. Москва: Мысль; 1983. 830 с. (Философское наследие; том 90).
7. Кузанский Н. *Сочинения в двух томах. Том 1.* Тажуризина ЗА, редактор. Москва: Мысль; 1979. 488 с. (Философское наследие; том 80).
8. Бэкон Ф. *Сочинения в 2 томах. Том 2.* Субботина АЛ, составитель, редактор. 2-е издание. Москва: Мысль; 1972. 575 с. (Философское наследие).
9. Рид Т. *Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла.* Санкт-Петербург: Алетея; 2000. 352 с.
10. Кант И. *Сочинения в шести томах. Том 4, часть 1.* Асмус ВФ, Гулыга АВ, Ойзерман ТИ, редакторы. Москва: Мысль; 1965. 544 с. (Философское наследие; том 14).
11. Гегель ГВФ. *Система наук. Часть первая. Феноменология духа.* Санкт-Петербург: Наука; 2015. 444 с.
12. Гегель ГВФ. *Введение в философию. Философская пропедевтика.* 4-е издание. Москва: Либроком; 2016. 264 с. (Из наследия мировой философской мысли: история философии).
13. Фейербах Л. *Избранные философские произведения в двух томах. Том 1.* Григорьян ММ, редактор. Москва: Госполитиздат; 1955. 676 с.
14. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. *Вопросы философии.* 1992;7:136–176.
15. Лекторский ВА. *Человек и культура. Избранные статьи.* Запесоцкий АС, редактор. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2018. 640 с. (Классика гуманитарной мысли).
16. Гуссерль Э. *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология.* Санкт-Петербург: Владимир Даль; 2004. 400 с.
17. Гуссерль Э. *Начало геометрии.* Москва: Ad Marginem; 1996. 269 с.
18. Дождикова РН. Обыденное познание и его особенности. *Вестник БДУ. Серия 3, История. Философия. Психология. Палитология. Сацология. Экономика. Права.* 2010;2:30–34.
19. Стёпин ВС. Конструктивные и прогностические функции философии. *Вопросы философии.* 2009;1:5–10.
20. Витгенштейн Л. *Философские работы. Часть 1.* Козлова МС, составитель; Козлова МС, Асеев ЮА, переводчики. Москва: Гнозис; 1994. 612 с.
21. Хайдеггер М. *Время и бытие.* Биbihин ВВ, переводчик. Москва: Республика; 1993. 447 с. (Мыслители XX века).
22. Хайдеггер М. *Бытие и время. 3-е издание.* Биbihин ВВ, переводчик. Санкт-Петербург: Наука; 2006. 452 с.
23. Бергсон А. *Творческая эволюция.* Флерова ВА, переводчик. Москва: Канон-пресс; 1998. 320 с. Совместно с издательством «Кучково поле».
24. Бергсон А. *Избранное. Сознание и жизнь.* Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив; 2016. 400 с.
25. Schutz A. Common-sense and scientific interpretation of human action. *Collected Papers.* 1962;11:3–47. DOI: 10.1007/978-94-010-2851-6_1.
26. Шюц А. Структура повседневного мышления. *Социологические исследования.* 1988;2:129–137.
27. Рассел Б. *Человеческое познание, его сфера и границы.* Киев: Ника-Центр; 2001. 560 с.
28. Бурдьё П. *Практический смысл.* Бикбов АТ, Вознесенская КД, Zenкин СН, Шматко НА, переводчики. Санкт-Петербург: Алетея; 2001. 562 с. Совместно с Институтом экспериментальной социологии.
29. Бурдьё П. *Социология политики.* Шматко НА, переводчик. Москва: Socio-Logos; 1993. 336 с.
30. Бодрийяр Ж. *Общество потребления. Его мифы и структуры.* Самарская ЕА, переводчик. Москва: Культурная революция; 2006. 296 с. (Мыслители XX века).
31. Эко У. *Университет и массмедиа.* Петрина Д, переводчик. ТОPOS. 2017;1–2:28–42.
32. Фуко М. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук.* Визгин ВП, Автономова НС, переводчики. Санкт-Петербург: А-сad; 1994. 408 с.
33. Маслоу АГ. *Мотивация и личность.* Татлыбаева АМ, переводчик. Санкт-Петербург: Евразия; 1999. 478 с.

34. Бродель Ф. *Структуры повседневности: возможное и невозможное*. Куббель ЛЕ, переводчик. Москва: Прогресс; 1986. 870 с.
35. James W. *Pragmatism: a new name for some old ways of thinking*. London: Longmans, Green and CO.; 1907. 309 p.
36. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Рутевич Е, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
37. Штомпка П. *Доверие – основа общества*. Морозова НВ, переводчик. Москва: Логос; 2016. 440 с.
38. Касавин ИТ, Щавелев СП. *Анализ повседневности*. Москва: Канон⁺; 2004. 432 с.

References

1. Einstein A. *Sobranie nauchnykh trudov. Tom 4* [Collection of scientific works. Volume 4]. Tamm IE, Smorodinskii YaA, Kuznetsov BG, editors. Moscow: Nauka; 1967. 600 p. (Klassiki nauki). Russian.
2. Stepin VS. On the methodological approaches to the social cognition analysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 2014;3:3–10. Russian.
3. Gasparov ML, editor. *Ellinskie poety VIII–III vv. do n. e. Epos, elegiya, yamby, melika* [Hellenic poets of the 8–3 centuries BC. Epic, elegy, iamba, melika]. Moscow: Ladomir; 1999. 515 p. (Antichnaya klassika). Russian.
4. Aristotel'. [Metaphysics]. In: *Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 1* [Works in four volumes. Volume 1]. Asmus VF, editor. Moscow: Mysl'; 1976. 550 p. (Philosophical heritage). Russian.
5. Aristotel'. [Nicomachean ethics]. In: *Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 4* [Works in four volumes. Volume 4]. Dovatur AI, editor. Moscow: Mysl'; 1983. 830 p. (Philosophical heritage; volume 90). Russian.
6. Aristotel'. [Poetics]. In: *Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 4* [Works in four volumes. Volume 4]. Dovatur AI, editor. Moscow: Mysl'; 1983. 830 p. (Philosophical heritage; volume 90). Russian.
7. Kuzanskii N. *Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 1* [Works in two volumes. Volume 2]. Tazhurizina ZA, editor. Moscow: Mysl'; 1979. 488 p. (Philosophical heritage; volume 80). Russian.
8. Bacon F. *Sochineniya v 2 tomakh. Tom 2* [Works in two volumes. Volume 2]. Subbotina AL, editor. 2nd edition. Moscow: Mysl'; 1972. 575 p. (Philosophical heritage). Russian.
9. Reid T. *An inquiry into the human mind: on the principles of common sense*. London: T. Cadell in the Strand; 1785. 488 p. Russian edition: Red T. *Issledovanie chelovecheskogo uma na printsipakh zdravogo smysla*. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000. 352 p.
10. Kant I. *Sochineniya v shesti tomakh. Tom 4, chast' 1* [Works in six volumes. Volume 4, part 1]. Asmus VF, Guliga AV, Oizerman TI, editors. Moscow: Mysl'; 1965. 544 p. (Philosophical heritage; volume 14). Russian.
11. Hegel GVF. *Sistema nauk. Chast' pervaya. Fenomenologiya dukha* [System of sciences. Part one. Phenomenology of spirit]. Saint Petersburg: Nauka; 2015. 444 p. Russian.
12. Hegel GVF. *Vvedenie v filosofiyu. Filosofskaya propedevtika* [Introduction to philosophy. Philosophical propaedeutics]. 4th edition. Moscow: Librocom; 2016. 264 p. (From the heritage of world philosophical thought: the history of philosophy). Russian.
13. Feuerbach L. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya v dvukh tomakh. Tom 1* [Selected philosophical works in two volumes. Volume 1]. Grigoryan MM, editor. Moscow: Gospolitizdat; 1955. 676 p. Russian.
14. Husserl E. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. *Voprosy filosofii*. 1992;7:136–176. Russian.
15. Lektorskii VA. *Chelovek i kul'tura. Izbrannye stat'i* [Man and culture. Featured articles]. Zapesotsky AS, editor. Saint Petersburg: Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2018. 640 p. (Classics of humanitarian thought). Russian.
16. Husserl E. *The crisis of European sciences and transcendental phenomenology*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; 2004. 400 p. Russian.
17. Husserl E. *Nachalo geometrii* [The beginning of geometry]. Moscow: Ad Marginem; 1996. 269 p. Russian.
18. Dozhdikova RN. Special features of everyday cognition. *Vesnik BDU. Serya 3, Gistoryja. Filosofija. Psihologija. Palitologija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava*. 2010;2:30–34. Russian.
19. Stepin VS. Constructive and prognostic functions of philosophy. *Voprosy filosofii*. 2009;1:5–10. Russian.
20. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty. Chast' 1*. [Philosophical research. Part 1]. Kozlova MS, compiler; Kozlova MS, Ase-
ev YuA, editors. Moscow: Gnosis; 1994. 612 p. Russian.
21. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and being]. Bibikhin VV, translator. Moscow: Respublika; 1993. 447 p. (Thinkers of the 20th century). Russian.
22. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. 3rd edition. Bibikhin VV, translator. Saint Petersburg: Nauka; 2006. 452 p. Russian.
23. Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative evolution]. Flerova VA, translator. Moscow: Kanon-press; 1998. 320 p. Co-published by the «Kuchkovo pole». Russian.
24. Bergson A. *Izbrannoe. Soznanie i zhizn'* [Selected. Consciousness and life]. Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; 2016. 400 p. Russian.
25. Schutz A. Common-sense and scientific interpretation of human action. *Collected Papers*. 1962;11:3–47. DOI: 10.1007/978-94-010-2851-6_1.
26. Schutz A. Structure of everyday thinking. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1988;2:129–137. Russian.
27. Russell B. *Chelovecheskoe poznanie, ego sfera i granitsy* [Human cognition, its sphere and boundaries]. Kiev: Nika-Center; 2001. 560 p. Russian.
28. Bourdieu P. *Prakticheskii smysl* [Practical sense]. Bikbov AT, Voznesenskaya KD, Zenkin SN, Shmatko NA, translators. Saint Petersburg: Aleteiya; 2001. 562 p. Co-published by the Institut eksperimental'noi sotsiologii. Russian.

29. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Shmatko NA, translator. Moscow: Socio-Logos; 1993. 336 p. Russian.
30. Baudrillard J. *La société de consommation: ses mythes et ses structures*. Paris: S.G.P.P.; 1970. 298 p.
Russian edition: Bodriyar J. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury*. Samarskaya EA, translator. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; 2006. 296 p. (Thinkers of the 20th century).
31. Eco U. The university and the mass media. *Yale Journal of Law and the Humanities*. 1994;6(1):81–94.
Russian edition: Eco U. Universitet i massmedia. Petrina D, translator. *TOPOS*. 2017;1–2:28–42.
32. Foucault M. *Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*. Paris: Gallimard; 1966. 404 p.
Russian edition: Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. Vizgin VP, Avtonomova NS, translators. Saint Petersburg: A-cad; 1994. 408 p.
33. Maslow AH. *Motivation and personality*. 2nd edition. New York: Harper & Row; 1970. 369 p.
Russian edition: Maslow AG. *Motivatsiya i lichnost'*. Saint-Petersburg: Evraziya; 1999. 478 p.
34. Braudel F. *Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Structures of everyday life: possible and impossible]. Kubbel' LE, translator. Moscow: Progress; 1986. 870 p. Russian.
35. James W. *Pragmatism: a new name for some old ways of thinking*. London: Longmans, Green and Co.; 1907. 309 p.
36. Berger P, Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Rutkevich E, translator. Moscow: Medium; 1995. 323 p. Russian.
37. Shtompka P. *Doverie – osnova obshchestva* [Trust – the basis of society]. Morozova NV, translator. Moscow: Logos; 2016. 440 p. Russian.
38. Kasavin IT, Shchhavelev SP. *Analiz povsednevnosti* [Analysis of everyday life]. Moscow: Kanon+; 2004. 432 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.12.2021.
Received by editorial board 28.12.2021.